

Я ЛЕНИНГРАДЕЦ ПО ДЫМНЫМ СРАЖЕНИЯМ, ПО ЮНОСТИ И ПО ВОЙНЕ

Накануне 9 Мая редакция газеты «За народное здоровье» вновь встретилась со Львом Яковлевичем Эбертом. В прошлом году наш разговор касался в основном начала Великой Отечественной войны; Лев Яковлевич рассказывал и о том, как приехал в Челябинск, о работе в мединституте, которому отдал 47 лет, из них 30 заведовал кафедрой микробиологии и 26 был проректором по научной работе. Теперь, в год 60-летнего юбилея Победы, мы вновь говорили о войне...

— Лев Яковлевич, о чем думается в эти дни?

— О жене. Это вечная дума. Не удалось в день ее смерти поехать на кладбище. Метель была... Сами понимаете: прожили вместе 55 лет. Сегодня вспоминал: куда бы я ни ездил, все время — с ней. Очень хочу, чтобы 9 мая погода была хорошая... После смерти Ларисы Ивановны в День Победы я надеваю форму, еду на кладбище, кладу цветы на ее могилу... И вспоминаю...

— Лев Яковлевич, Вы прошли всю войну...

— С первого дня. 22 июня началась война, а 20 июля нас, курсантов Военно-морской медицинской академии, отправили на Ленинградский фронт в качестве рядовых морской пехоты. В декабре 1941 года эвакуировали в Киров, где учеба продолжалась в условиях очень тяжелых. Никаких каникул, выходных дней.

В апреле 1943 года, после четвертого курса, нас снова отправили на фронт, на военно-морскую практику. Я попросил, чтобы меня направили на действующий флот. Тогда почти все флоты были действующие, а более активный — Северный, поэтому я попросил, чтобы меня отправили туда. Просьбу удовлетворили. Прибыв на место, я убедил командование бригады подводных лодок, что мне нужно обязательно участвовать в походе.

— Вы проходили настоящую практику?

— Да, на подводной лодке. Больше, чем там, практики не может быть. Потому что тот, кто один раз побыл на подводной лодке и по тревоге услышал разрывы глубинных бомб, у того это до сих пор в ушах... Звон стоит до сих пор.

Я участвовал в походах двух подводных лодок: С-101 и С-102 — в качестве фельдшера лодки. Подводная лодка С-102 потопила немецкий транспорт, и после этого немцы искали нас и закидывали глубинными бомбами. Нам повезло, мы легли на грунт и на грунте пролежали двое суток, причем в полной тишине. Не разрешалось даже двигаться, чтобы акустики надводных немецких кораблей не услышали наше движение и не поняли, что мы живы. Двое суток немцы сторожили нас, через двое суток ушли. Тогда, провуд цистерны с балластом, мы поднялись на поверхность моря и ушли в сторону Полярного. А там нас уже не ждали: немцы сообщили, что в таком-то квадрате, в таком-то районе возле Тронхейма у Северной Норвегии потоплена советская подлодка — наша. За участие в этом походе вся команда была награждена орденами и медалями. Я получил орден Красной Звезды.

В январе 1944 года закончил Академию. Учились мы всего 4 года и, получив дипломы врачей, разъехались по флотам. Я, как ленинградец, попросился на Балтийский флот. До июня 1944 года преподавал гигиену и физиологию питания в Кронштадте, в Объединенной школе учебного отряда КБФ. А в июне 1944 года меня назначили начальником маневренно-хирургической группы морского десанта и направили в Финляндию. Операция была благополучно завершена, и, после заключения мира с Финляндией, мы возвратились в Ленинград.

— Лев Яковлевич, где Вы были в День Победы?

— А в День Победы мне повезло: я был в Ленинграде. Я служил в Кронштадте, был уже врачом, поэтому имел кое-какие права, не то, что рядовой. Попросил разрешение поехать в Ленинград, к жене.

Мы поженились с Ларисой Ивановной Кебец в 1943 году в Кирове, куда я вернулся с военно-морской практики. А женился я так: пять дней дал жене на подготовку. Я был секретарем комсомольской организации, а Лариса Ивановна работала в Кировском обкоме комсомола. Спускаюсь вниз во время перерыва в городской комсомольской конференции — стоят три девушки и едят ягоды из кулечка... Это было 27 августа, в день моего рождения...

— Значит, 9 мая 1945 года Вам повезло?

— Да, 9 мая мне просто зверски повезло. Очень повезло. Я приехал, застал любимую жену дома, и мы с ней пошли погулять к кинотеатру «Великан», на Петроградскую сторону в парк Ленина. Народ шел туда, тучи людей. И я впервые тогда увидел пьяную женщину. Одни пили от радости, другие с горя. У одних мужья вернулись, отцы вернулись, у других — не вернулись. Ни мужья, ни сыновья, ни родители.

— Лев Яковлевич, чего 9 мая 1945 года было больше в настроении: радости или горя?

— Радости, конечно, радости. Радость была невероятная. Ночью 8 мая мы с женой не спали, слушали радио. Уже знали, что вот-вот должно быть сообщение. И вдруг слышим голос Левитана. Это была потрясающая радость. Жена плакала. Я говорю: «Чего ты-то плачешь?» — «Я плачу, потому что ты живой».

— А сейчас как у Вас настроение?

— У нас на флоте говорили так: настроение бодрое — идем ко дну (*смеется*). Знаете, когда я приехал в Челябинск работать, мне было 37 лет — еще молодой. Носили тогда форму, хотя с орденами-медалями не ходили по институту, не принято было. Это теперь только стали надевать. Когда я еду к Ларисе Ивановне в День Победы, я еду во всей форме, в морской форме. Положить на могилу цветы. Потому что так было принято у нас: в День Победы, когда мне дарили цветы, я всегда приносил их ей...

В эти дни у Льва Яковлевича много звонков, много встреч. Во время одной из них ему вручили юбилейную медаль в честь 60-летия Победы.

Беседу вели

Елена Горева

и Дарья Зверева.

Свадебная фотография 1943 года из архива Л.Я. Эберта.

